

САЯНА
ГОРСКАЯ

ИЗМЕНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*меня
гостямочню*

18+

Саяна Горская

Измена. (С) меня достаточно

Серия «Судьба на перекрёстке», книга 1

<https://litres.ru/70276402>

SelfPub; 2024

Аннотация

<r> Почему? Шепчу, с трудом проталкивая слова через колотящееся в горле сердце.</r><r> Ты должна понять. Ты же сама видишь, что не осталось между нами ничего.</r><r> Но мы семья</r><r> Насть, ну невозможно мужика котлетками удержать. Марат морщится. Мужуку страсть нужна. Хороший секс. А наш с тобой секс это как просмотр старого сериала. Идёт фоном, потому что все реплики ты уже наизусть выучил.</r><r>Я прикрываю глаза. Мне больно, потому что это правда. Марат очень пылкий, страстный. А я нет.</r><r> Ну, раз уж мы всё решили, может, освободишь дом? Встревает Света. Она подходит к столу и берёт в руки бокал. Медленно покачивает из стороны в сторону, глядя на меня сквозь стекло. Шмотки собирай.</r>

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	13
Глава 3.	21
Глава 4.	29
Глава 5.	37
Глава 6.	45
Глава 7.	55
Глава 8.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Саяна Горская

Измена. (С)

меня достаточно

Глава 1.

Настя.

– Куда я рубашку дел? – Бормочет Марат, заглядывая в каждую комнату.

– В шкафу смотрел?

– Ведьма! – Доносится до меня через минуту. – Может скажешь ещё, где кошелёк?

Голова мужа показывается в арке, ведущей в гостиную. Обаятельная улыбка во все тридцать два.

– На столе видела вчера, на кухне. – Я тоже улыбаюсь.

Марат суетится, бегая по дому. В кабинете сгребает бумажки в неровную стопку. Пихает в кожаный дипломат.

Я стою, подпирая плечом косяк. Подобную картину я наблюдаю почти каждое утро. Вообще-то, Марат очень ответственный, умный. Рассеянный слегка, но это компенсируется положительными качествами.

В гостиной оживает его мобильник.

– Я принесу.

Срываюсь с места вперёд мужа. Если отвлечется – точно что-нибудь забудет.

На дисплее звонок от Светы – его ассистентки. Правая рука мужа, которая заменяет ему меня на рабочем месте. Странновато звучит, но что поделать.

Несу телефон.

– Да! – Рывкает муж в трубку. – Сказал же, не опоздаю. Уже из дома выхожу.

Я поднимаю бровь и едва сдерживаю смех, глядя на Марата, стоящего в носках, трусах и рубашке. Он подносит указательный палец к губам, умаяя не выдавать его.

– Заберу. Ага. Всё. – Сбрасывает звонок.

– Успеешь по пробкам?

– А какие варианты? – Поджимает губы. – Ты сегодня снова в студию?

– Да, выставка через три дня, а дел ещё много. Буду не раньше одиннадцати. – Вру я.

Сегодня выходной, но я запланировала сюрприз.

– Обрати возьми такси, не ходи пешком. Это, Настён, кофе организуешь?

Киваю и иду на кухню. Наливаю только что сваренный кофе в кружку Марата – на ней нарисованы обнимающиеся котята и крупными буквами написано «Я буду тебя бесить, а ты терпи».

Выношу кофе. Марат уже у входной двери, зашнуровыва-

ет ботинки. Он забирает кружку из моих рук и делает пару больших глотков.

Любуюсь широким разворотом плеч, обтянутых белой рубашкой.

– Всё, Насть, побежал.

Я тянусь к нему губами, но Марат уворачивается и чмокает меня в щёку.

– Удачи!

Вместе с ним выхожу на крыльцо дома и стою до тех пор, пока машина мужа не скрывается за углом. Поворачиваюсь, встречаюсь взглядом с собой в отражении застеклённой двери.

Ну и видок!

Включаю музыку погромче и начинаю уборку. В голове перебираю, что у нас осталось из съедобного, и чем вечером мужа кормить.

Котлетки? Гуляш? Суп какой-нибудь?

Нет, хочется сегодня чего-то особенного. Чего-то изысканного и необычного. Настроение игривое и шаловливое, поэтому останавливаюсь на устрицах в винном соусе.

Шиканём!

Закончив с уборкой, отзваниваюсь Лике – подруге и по совместительству начальнице.

Лика умничка. У неё своя большая фотостудия, которая так же занимается организацией частных фотовыставок. А два раза в неделю я там преподаю портретную съёмку. Пла-

тят не много, но мне больше и не нужно – Марат хорошо зарабатывает. К тому же, он сам настаивает, чтобы я не брала на себя много работы, а сидела дома и занималась очагом.

Ли́ка щебечет в трубку, делится новостями. У неё пацаны-двойняшки, и каждый день случается что-то интересное.

Пока болтаем, я стою у зеркала и критическим взглядом рассматриваю сухие кончики волос и смешной пушок, стоящий дыбом на макушке.

Ли́ка внезапно прерывается – кто-то из двойняшек смыл в унитаз её зарядку от телефона. Она обещает перезвонить позже.

Весь день я слоняюсь по дому, пытаюсь чем-то себя отвлечь, но мне хочется промотать время, чтобы скорее наступил вечер и вернулся Марат. Я уже отгладила и развесила его рубашки, разложила по цветам галстуки и даже разгребла беспорядок на рабочем столе.

Я принимаю душ и привожу себя в порядок. Обмазываюсь вкусными скрабами и кремами, представляя реакцию мужа. Делаю вечерний макияж, неумело укладываю волосы. Откапываю в шкафу самый соблазнительный комплект белья: ажурный, почти прозрачный. Созданный, чтобы подчеркивать, а не скрывать. Я давно его не носила, предпочитая сексуальности удобство, но сегодня тот самый случай, когда удобством можно пренебречь.

На ноги – лодочки с острым носом, на экстремальном каб-

дуке. На плечи – тонкий халатик.

Готовлю устрицы, бурлящие в вине, и чешусь от синтетического кружева. Пританцовываю у плиты. Во мне кипит энергия.

На часах – девять. За окном сгущаются сентябрьские сумерки. Гашу везде свет и сажусь за стол, скучающим взглядом рассматривая приготовленный ужин и сверкающие в тёплом свете свечей бокалы с красным вином.

Оживаю, когда слышу, как открывается входная дверь.

Подрываюсь, скидываю халатик и присаживаюсь на край стола в самой соблазнительной позе из своего арсенала. Закусываю губу – видела такое в фильмах. Вроде, мужчинам нравится. Делаю глубокий вдох, успокаивая неровную дробь сердца, и...

В дверном проёме появляется Марат. В его глазах полнейшая растерянность.

– Настя?

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь призывно-сексуальное.

– Маратик! – Звучит не мой голос.

Слова застревают колючим комом.

В следующее мгновение на пороге кухни появляется Света. Та самая, правая рука мужа. В расстёгнутой до середины живота шифоновой блузке и с красиво уложенными волосами. Её полные губы складываются в жёсткую линию.

Я застываю, всё так же продолжая сидеть на столе в позе

древнегреческой богини.

– Ахренеть! – Выдыхает Света. – Ты же сказал, её дома не будет.

Марат глупо разевает рот.

Я ищу внутри себя логичное объяснение увиденному, но интуиция шепчет, что всё здесь крайне однозначно.

– Настён... – Приходит в себя Марат и делает ко мне шаг.

– Не знаю, что ты там себе придумала, но всё не так.

Я ещё раз пробегаюсь глазами по Свете и задерживаюсь на полусферах груди, выглядывающей из расстегнутой блузки.

– Это даже к лучшему. – Ловит она мой цепкий взгляд, но не спешит застёгиваться. – Марат, скажи ей сейчас.

– Настён...

– Вы спите, да? – Инстинктивно обнимаю себя руками за плечи.

Света закатывает глаза.

– Встречаемся.

– Встречаетесь?

– У нас отношения.

– Отношения?

– Господи! – Рычит Света, потеряв терпение, и тычет в меня ладонью. – Марат, объясняй сам.

– Насть, я хотел рассказать. Ты не должна была узнать вот так. – Он рассеянно трёт шею.

Я слажу со стола. Каблуки с громким стуком встают на кафель.

Я почти голая. Не только телом. Моя душа тоже нарастает, и у меня нет сил прикрыться. Я боюсь, что разревусь прямо на глазах его любовницы. Лицо заливают краской стыда.

Уязвимость. Острая уязвимость – вот, что я сейчас чувствую.

– Почему? – Шепчу, с трудом проталкивая слова через колотящееся в горле сердце.

– Ты должна понять. Ты же сама видишь, что не осталось между нами ничего.

– Но мы семья...

– Насть, ну невозможно мужика котлетками удержать. – Марат морщится. – Мужу нужна страсть. Хороший секс. А наш с тобой секс – это как просмотр старого сериала. Идёт фоном, потому что все реплики ты уже наизусть выучил.

Я прикрываю глаза. Мне больно, потому что это правда. Марат очень пылкий, страстный. А я – нет.

Я и вечер этот устроила, потому что подсознательно уже давно что-то чувствовала. Только себе признаваться в этом не хотела.

– Прости. – Снова шепчу.

Я не знаю, что ещё сказать и как это исправить. Меня мало. Или я просто не старалась. Я должна была стать лучшей версией себя рядом с таким мужчиной, как Марат, но я расслабилась.

– Ну, раз уж мы всё решили, может, освободишь дом? – Встревает Света.

Её голос звенит и вибрирует у меня в мозгу. Я хочу броситься на неё, вцепиться ей в лицо, в блестящие красивые волосы.

Набираю в лёгкие побольше воздуха. Поднимаю на Марата влажные глаза.

– Освободить дом?

– У неё прикол такой, всё переспрашивать? – Света подходит к столу и берёт в руки бокал. Медленно покачивает из стороны в сторону, глядя на меня сквозь стекло. – Шмотки собирай.

– Но мне некуда идти.

Я не хочу защищаться. Тело покалывает от нервов. Не знаю, как женщины могут устраивать скандал в такие моменты, потому что я не могу найти в себе сил даже для того, чтобы сделать глубокий вдох. Дышу поверхностно и часто, отчего уже скоро начинает кружиться голова.

– Насть, поживи пока в отеле. Или у подружки. Так правда будет лучше. – Марат поднимает с пола халат и набрасывает мне на плечи. – С домом потом решим.

Я хватаю со стола открытую бутылку вина и на автомате выхожу из кухни. Не бросаюсь собирать вещи, как следовало бы сделать, а иду прямо к входной двери. Накидываю кожаный плащ, туго затягиваю пояс.

– Настён, ты как? Тебя подкинуть? – Марат появляется рядом. Он сам бледный, как полотно.

– Поеду к Лике. Вызову такси.

– Давай довезу. – Хватается за ключи.

– Нет. – Останавливаю его руку. – Мне нужно... Я должна одна побыть.

Марат обнимает меня, крепко прижимая к груди. От него пахнет так по-родному. Этот запах – часть моей жизни, и от мысли, что он больше мне не принадлежит, внутренности закручиваются в узел.

– Прости, малыш. – Он гладит меня по волосам. – Сама увидишь, что так будет лучше для всех.

– Да. – Я отстраняюсь. Я верю ему. Он всегда прав. – Поешь, я устрицы приготовила. В вине.

Салютую бутылкой и выхожу. Дверь за мной тихо закрывается.

И только оказавшись в прохладе осеннего вечера я выдыхаю и позволяю себе расплакаться.

Глава 2.

Настя.

Еду в такси. Пытаюсь сдерживать рыдания. Водитель косится в зеркало заднего вида, и когда мы встречаемся взглядами, я вижу в его глазах жалость и любопытство.

– Остановите около магазина. – Не выдерживаю я, и водитель паркуется у обочины.

Я хочу пройтись. Подышать и подумать. Мне нужно решить, что говорить Лике. Я чувствую стыд и вину за произошедшее, поэтому тщательно подбираю в голове слова, складывая их в не слишком ясную картинку. Если обрисую всё крупными мазками, Лика не станет вываливать на меня тонну нравоучений. Это последнее, в чём я сейчас нуждаюсь.

Шок заставляет думать, будто это сон. Дурной, очень реалистичный сон, и всё снова вернётся на круги своя, когда я проснусь.

Больно щипаю себя за кожу на запястье, но мир остаётся прежним.

Мимо проносится автомобиль. Тормозит, сдаёт назад.

– А ты чё одна так поздно гуляешь? Садись, довезу.

Сжимаю в кармане плаща телефон.

Игнорирую.

– Чё такая неразговорчивая?

Поднимаю заплаканное лицо. Должно быть, тушь разма-

залась по щекам, и видок у меня в целом потрёпанный.

– Понял. – Цокает молодой парень и жмёт по газам.

До дома Лики остаётся всего два квартала. Неудобные лодочки натирают ноги. Каблуки такие высокие, что у меня ноют голеностопы. Снимаю туфли и швыряю в ближайшую мусорку.

Редкие прохожие хихикают при виде меня или шарахаются, как от прокажённой. Думают, наверное, что я чем-то обдолбалась, и они не так далеки от истины – я словно в бреду, реальность искажена до неузнаваемости.

Брусчатка холодная, но я даже этому рада – это помогает сконцентрироваться на ощущениях в теле, а не на мыслях.

Впереди маячит компания.

Рядом снова визжат тормоза.

Я не поднимаю головы. Надеюсь, что это Марат бросился меня искать, но надежда гаснет, когда я слышу незнакомый голос:

– Прохладно для прогулок босиком.

Молчу.

Автомобиль медленно едет рядом.

– Куда направляетесь?

Плотней закутываюсь в плащ, поднимаю воротник. Под плащом у меня почти ничего, и когда я об это вспоминаю, начинаю чувствовать себя ещё менее защищенной.

Нащупываю в кармане ключи и зажимаю в пальцах так, чтобы острый кончик лёг между костяшками.

– Я могу дать вам свои ботинки. Вы застудитесь. К тому же, не безопасно гулять по ночам одной. Куда смотрит ваш муж?

Последний вопрос ощущается пощёчиной и горит на коже красным следом. Я вздрагиваю. Поднимаю голову на незнакомца.

Разглядываю его всего пару секунд.

У него яркая внешность, типажом похож на Марата: тёмные волосы, лёгкая щетина, выраженная маскулинность.

– В машину вы не сядете?

Ускоряюсь. Почти перехожу на бег.

Автомобиль тоже чуть набирает ход.

– Позвольте вас хотя бы проводить. Я буду держаться на расстоянии. Вот отсюда за вами понаблюдаю. Идёт?

Толпа всё ближе. Я слышу гогот и ёжусь, пытаюсь утонуть в плаще. Сделаться невидимой.

Когда мы равняемся с компанией парней, они начинают пьяно улюлюкать и свистеть. Загораживают дорогу.

– Мальчики. – Раздаётся из машины громко и резко. – Ноги в руки и съебались в туман.

– А то чё, дядя? – Машет рукой самый высокий и явно не самый трезвый.

– А то дядя выйдет.

– Выходи. Поговорим, как мужчины.

– Идёт. – Он глушит авто. – Зови пока мужчин, а то я рядом ни одного не вижу.

Выходит.

Он огромен, плечист, и на голову выше пьяного болтуна.

– Да ладно! – Тот поднимает перед собой раскрытые ладони. – Понял, твоя девчонка. Сразу бы сказал.

«Мальчишки» тушуются и расступаются. Я проскальзываю между ними и, не оглядываясь, бегу вперёд.

Вдавливаю с силой ладонь в грудную клетку, потому что мне кажется, будто сердце сейчас выпрыгнет наружу. Только теперь начинаю осознавать, насколько идиотской была идея прогуляться ночью.

Уже через пару минут оказываюсь перед домом Лики. Двор элитный, под охраной, перекрыт забором и шлагбаумом. На посту дремлет знакомый охранник – Миша.

Вытираю следы туши под глазами, натягиваю улыбку.

– К Лике Сергеевой, в десятую.

– Ожидают? – Бросает быстрый взгляд на время, а потом долгий на меня. – Насть, ты?

– Угу.

– Нормально всё?

– Да. Была рядом, решила заглянуть.

– Ну, проходи. – Ворота пикают. Миша кивает мне за спину. – Это с тобой?

Оборачиваюсь.

Незнакомец в чёрном авто приветственно мигает аварийной, тут же разворачивается и уезжает.

Всё-таки проводил.

– Три девятки. – Хмыкает Миша. – Так он ж пятнадцать минут назад отсюда уехал. Забыл чего?

Я не слушаю. Уже несусь к подъезду и набираю на домофоне номер квартиры Лики. Она не спрашивает, просто открывает.

Поднимаюсь на пятый. Тихо стучусь.

– Кир, ты?

Дверь распахивается.

– Настя? А ты чего тут? – Шепчет Лика. – Да ещё и в таком виде. Где обувь твоя?

Я мнусь на пороге. Закусываю губу – боюсь расплакаться. В носу свербит.

– Да ты заходи. Не шуми только, пацаны уснули. Весь день на ушах стояли, думала застрелюсь. Давай, давай, раздевайся.

Лика помогает мне снять плащ и замирает при виде пикантного лука. Бровь её уползает наверх и скрывается под косой чёлкой.

– Выпить хочешь? Хотя чего я спрашиваю... – Тащит меня за руку на кухню.

На столе, как по волшебству, появляется апероль, оливки, сыр. На моих плечах – тёплый плед, на ногах – носочки из верблюжьей шерсти.

Без аппетита смотрю на закуски, опрокидываю залпом бокал апероля. Выкладываю Лике всё, что произошло накануне. Подруга не перебивает, только шокировано качает голо-

вой и наполняет периодически бокалы.

– Ахренеть! – Многозначительно выдаёт она, когда мой рассказ подходит к концу.

– Шесть лет, Лик!

– Ничего. Мы у этого гада отберём дом. – Лика кидает в рот оливку, и та с лёгким хрустом лопаётся у неё во рту. – Я тебе дам контакты своего адвоката. Он в этом деле лучший.

– За дом Марат платил. – Кручу кольцо на безымянном.

– А ты что, бесплатная рабочая сила? Просто готовила, обслуживала и рубашечки ему крахмалила? Нет уж, совместно нажитое поделим и попилим. Ладно, люди и через двадцать лет разводятся.

– Разводятся? – Я глупо хлопаю ресницами.

Как ни пытаюсь, не могу приложить это к себе, к нам. Словно наши отношения гораздо выше остального.

Разводятся другие. Слабые. Опустившие руки.

Но мы ведь поборемся?

– Насть, ты же подашь на развод?

– Нет. Конечно, нет. Он... Он просто оступился! Это не повод, чтобы рушить всё, что было построено. – Отвечаю немного агрессивно.

Инстинктивно мне хочется защищать Марата, потому что он не заслужил, чтобы его презирали или ненавидели. Он замечательный человек, чуткий и любящий.

В глазах Лики плещется смесь недовольства и жалости, и я не понимаю, что означает этот взгляд.

– Подожди, Насть, тогда чего ты хочешь?

– Чтобы всё было, как раньше. Я должна его вернуть...?

Больше спрашиваю, чем говорю, потому что совершенно не уверена в том, что должна делать дальше. Я не оказывалась в таких ситуациях, и даже гипотетически не представляла, что со мной может случиться подобное.

– Знаешь, – Лика откидывается на мягкую спинку стула и немигающим взглядом смотрит в потолок. – если мужик хочет уйти, ты его не удержишь.

– Я рожу ему ребёнка.

– Я родила двоих. – Лика с громким стуком ставит свой бокал на стол. Шах и мат.

– Но ты не держалась за Сашу.

– Да упёрся он мне?! Насть, я ахрененная, красивая, успешная, самодостаточная. И ты тоже. Но ты в своём Марате растворилась и забыла об этом. Он тоже забыл.

– Я напомню.

Вот. Это уже похоже на план.

Радость, граничащая с безумием, бурлит внутри. Мне не нравится это чувство, оно почти болезненно, но в то же время придаёт сил.

– Не нравится мне твоё выражение лица. Что задумала?

– Можно я у тебя в гостевой заночую? – Пропускаю вопрос Лики. Ответ ей всё равно не понравится.

– Да пожалуйста. – Подруга машет рукой в сторону коридора. – Только поспать утром не получится. Пацаны вылуп-

ляются раньше петухов.

Ли́ка загружает посудомойку, а я ухожу в комнату. Выпитое даёт о себе знать: я падаю на постель, поверх покрывала, и забываюсь сном.

Глава 3.

Настя.

Визги, крик, звук падения чего-то тяжёлого.

Резко вздрагиваю и просыпаюсь.

Морщусь от тупой боли в висках, и от странной острой – в сердце.

Оглядываюсь, понимая, что проснулась не дома. Реальность обрушивается на меня лавиной, погребая под толстым непроницаемым слоем недавних событий и новых чувств.

Нащупываю под подушкой телефон и лезу в соцсети. Марат любит внимание и постоянно что-то постит, но сегодня на всех его страничках подозрительная тишина.

Пишу сообщение.

Настя: Прости за то, что всё так получилось. Давай поговорим?

Он онлайн, но не читает.

Отбрасываю телефон и опасно выглядываю из комнаты. Мимо меня проносится что-то быстрое и громкое.

– Так, Сёма, отстань от Тёмы. Тёма, отдай ты брату эту змею. У вас игрушек целый шкаф.

Один из двойняшек начинает плакать, второй отбирает из его рук резиновую змею и с хохотом уносится в обратном направлении.

Ли́ка вытирает мокрые руки о домашнюю футболку и садится на корточки, чтобы быть глазами на одном уровне с плачущим ребёнком.

– Тёмочка, давай вы попробуете играть вместе, ладно? А я сейчас блинчики приготовлю, будем завтракать.

– С сиколодом? – Слезы, как по мановению волшебной палочки, останавливаются.

Вот бы и мне ощутить животворящую силу сиколода. Хотя сомневаюсь, что сейчас это поможет.

– Конечно. С сиколодом, с вареньем, как захочешь.

Тёма тут же забывает о своей драме и убегает в детскую.

Я выхожу из комнаты.

– Ох уж эти трёхлетки. – Сетует Ли́ка. – Хорошо, что пока еда срабатывает безотказно. Ты как?

– Нормально.

– А выглядишь совсем не нормально. Давай в душ и завтракать, а потом поедem в студию. Помнишь, что у нас выставка на носу?

Киваю, поджав губы.

– В принципе, можешь и не ездить. – Говорит Ли́ка, разглядывая меня с особой тщательностью. – Поваляйся в постели, посмотри мелодрамы, поплачь. К пацанам няня скоро придёт, попрошу не подпускать к твоей комнате на пушечный выстрел.

– Нет, я поеду. Только умоюсь.

Привожу себя в порядок. Дольше обычного стою под ду-

шем, надеясь, что горячая вода смоет с меня липкий ужас, которым покрыто всё тело. Но вода не исцеляет препарированную душу.

Поглаживаю в районе сердца – там ноет. Там словно дыра. Больно. Больно. Больно.

Но я хотя бы больше не рыдаю.

Просто опустошена, и батарейка на нуле, будто высосали жизненную энергию через трубочку.

У меня из вещей только колючий кружевной комплект белья и фривольный халатик, в котором перед детьми появляться стыдно. Одалживаю у Лики футболку и джинсы – хорошо, что размер у нас почти одинаковый.

Завтракаем.

– Мы в этот раз затянули. – Лика ставит передо мной кружку с кофе. Его горький и глубокий запах немного разгоняет туман в голове. – Монтаж должны были ночью закончить, нам осталось по мелочи, но время поджигает.

Выставка Екатерины Демидовой для Лики очень важна. Это потенциальный мостик между её студией и новыми клиентами с деньгами. Демидова – известный портретный фотограф с кучей полезных связей и влиятельных друзей.

– Фотографии у тебя?

– Да, флешку вчера завезли. По пути заедем в типографию, к вечеру будут готовы.

Я отламываю от блина кусочки, макаю в шоколадную пасту и поочередно кладу в рот двойняшкам, как птенцам.

Мальчишки смотрят на меня с нескрываемым восторгом.

– Они жуть, как влюбчивы. – Говорит Лика, вытирая с лица Сёмы шоколад. – Скоро приедет Алиса, а мама поедет работать.

Она воркует, улыбается, строит смешные рожицы.

Я смотрю на её семью. Я мало знаю её детей и мало знаю Лику, как маму, потому что редко приезжала в гости, хотя живём мы в часе езды друг от друга. Но меня поглотил быт, и всё свободное от работы время я занималась домом и обедами, рубашками и носками.

Чувствую небольшой укол совести.

Вскоре приезжает Алиса – няня. Сёма и Тёма окружают молодую девушку и липнут к её ногам, не давая ступить ни шагу.

Лика раздаёт Алисе ЦУ. На прощание целует детей, тискает, снова целует.

Когда дверь за нами закрывается, Лика вздыхает.

– Уже скучаю по ним.

Мы заезжаем в типографию. Отдаём флешку и документ с техническим заданием, в котором подробно указано всё, включая размеры холста для каждой конкретной фотографии. Подписываем договор и едем в студию.

По дороге снова лезу в соцсети.

Тишина. Везде пусто. Ни новых фото, ни историй. Прочитанное сообщение болтается без ответа.

Настя: Можем встретиться в центре? Попьем кофе... Я

хочу всё исправить.

Кручу бессознательно обручальное кольцо. Сейчас это единственное, что связывает нас с Маратом.

– Перестань. – Одергивает Лику. – Перестань уже говорить слезливую речь, которую толкнёшь ему при встрече.

– Ты что, мысли читаешь?

– Да у тебя на лице всё написано. Только не забывай, что ты собралась унижаться перед человеком, который об тебя ноги вытер.

Марат не вытирал об меня ноги.

В голове всплывает момент, когда он бережно накинул на мои плечи халат. К тому же, он хотел меня подвезти. Стал бы человек, которому наплевать, делать лишние телодвижения, когда его там ждёт роскошная любовница с вином и устрицами?

Нет, конечно, ему не всё равно. Просто он меня так наказывает за то, что совсем себя запустила. Это небольшой моральный пинок, чтобы я скорей взялась за ум.

А Лику просто не знает всей подноготной наших отношений. Со стороны легко судить.

В студии заканчивается монтаж. Выставка под ключ, целиком на нас. Иногда клиенты сами руководят подготовкой, и тогда от Лики требуется лишь предоставить помещение и не мешать.

Но не в этот раз.

Все конструкции созданы по проекту дизайнера и согла-

сованы с заказчиком. Минималистичные стальные рамы выкрашены в чёрный. Некоторые развешены по стенам, некоторые вытянуты от пола до потолка. Скоро пустое место в этих рамах займут холсты с фотографиями.

Пока Лика принимает работу монтажников, я занимаюсь велком-зоной. Послезавтра над ней ещё поработают флористы. Живые цветы заставят помещение заиграть новыми красками. А пока я просто протираю длинный стол и думаю.

Бесконечно думаю о том, в какой момент всё пошло не так.

Марат появился в моей жизни шесть с половиной лет назад. Появился ярко и внезапно, вскружив голову широкими жестами и романтичными поступками. Мы гуляли под лунной, устраивали пикники под ночным небом, летали в Рим на выходные, а уже через полгода сыграли свадьбу. Это была любовь с первого взгляда, и я тогда решила, что свою жизнь хочу разделить именно с этим мужчиной.

Он – моя путеводная звезда. Если бы не Марат, то я бы давно обабилась, забила на себя. Но он истинный эстет и любитель прекрасного. В его глазах я хотела всегда быть лучшей.

Он кривился при виде полных – я садилась на диету. Он возмущался излишней эмансипированности современных женщин – я отказывалась от своих клиентов и фотосессий, чтобы больше времени уделять дому.

Он никогда не просил меня чем-то жертвовать, но я по-

нимала всё без слов. Одним лишь взглядом Марат низвергал противника до уровня грязи под ногтями. Одним лишь взглядом мог показать, как счастлив или недоволен.

Мне льстило ощущение, будто я особенная. Как иначе, если такой мужчина сам выбрал меня? Оставалось только соответствовать. Но я расслабилась.

И провалилась.

Из-за банального секса.

Марат давно говорил, что во мне нет огня. Что я слишком тихая в постели, слишком зажатая, безынициативная, не интересная.

Облизываю губы. Чувствую солоноватый привкус собственных слёз.

Ну вот.

– Насть, ау! – Щёлкает пальцами Лика. – Ты в этом столе сейчас дыру протрёшь!

Отворачиваюсь. Тихо шмыгаю носом и смахиваю со щёк влажные дорожки.

– Просто задумалась.

– Натурально зависла. – Лика садится на стол, который я только что тщательно оттерла. – Что тебя тревожит? Не глобально, это-то я как раз понимаю.

– Секс. – Отвечаю откровенно. – Я не сексуальная.

– Ты? Сдурела? В зеркало на себя давно смотрела?

– Да я не об этом. Просто нет во мне этой внутренней женщины-кошки, которая трётся, мурчит и изящно выгиба-

ется. Есть только женщина-хомяк, которая наяривает целыми днями в колесе. Но, как выяснилось, хомяки мужчин в постели не устраивают.

– А может не в тебе дело?

– И как я это узнаю?

– Ну... – Лика многозначительно закусывает губу и часто-часто моргает. – Думаю, вопрос не «как» а «с кем».

– Лика! Даже думать об этом не хочу!

– Вот и живи в неведении.

Подруга спрыгивает со стола.

У меня в кармане вибрирует телефон.

Марат: Рад, что ты не сваливаешь ответственность на одного меня.

Марат: Настён, мне тоже тяжело. Но хорошо, что мы расстались друзьями.

Марат: Когда сможешь забрать вещи?

Сжимаю челюсть до скрипа зубов.

Настя: Когда найду квартиру. Можешь унести их в гараж, если мешают.

Убираю телефон.

– Лик, можешь мне в этом месяце зарплату пораньше выплатить?

– Могу хоть сейчас. Опять случилось что-то?

– В доме теперь кошка. Хомяк должен уйти.

Закрываю глаза.

Господи, дай мне сил.

Глава 4.

Настя.

День выставки. Двойняшек развлекает няня, а к Лике приехала визажист. Все заняты делом, и лишь моя жизнь словно остановилась.

Меня не отпускает внутренняя тревога. Это не то чувство, когда трясёт от злости или разрывает от эмоций. Это чувство зудит под кожей и ускользает всякий раз, когда я пытаюсь нащупать точку, в которой оно сконцентрировалось. Оно везде и нигде. Оно медленно меня разрушает.

Зажав между голых ступней ведёрко с ванильным мороженым, зарываюсь с головой в сайты аренды квартир.

То, на что у меня хватает денег выглядит так, словно подверглось бомбёжке. Жильё, выглядящее более-менее, мне не по карману. Нужно что-то выбрать, но я только раздражаюсь и всё больше теряю надежду.

Лика меня не торопит. Напротив, настаивает на том, чтобы я и дальше жила у неё. Говорит, что вместе веселее, к тому же так она может приглядывать за мной.

Пролистываю варианты.

Не то. Не то. Всё не то.

На самом деле я скучаю по своему уютному дому и не хочу

жить где-то ещё. Втайне надеюсь, что конфликт с Маратом разрешится в ближайшие дни, и мы просто забудем о произошедшем, как о страшном сне. В то же время понимаю, что должна куда-то двигаться.

Замереть – это не стратегия.

В комнату заглядывает Лика. На ней красивое вечернее платье по фигуре и длинные серьги, которые почти касаются голых плеч. Каштановые волосы собраны в гладкий пучок.

Роковая красотка.

– Ты собираешься?

– Я не поеду. – Сую в рот ложку мороженого. – Решила воспользоваться твоим советом и посмотреть мелодрамы.

– А всё уже, всё. Надо было раньше! – Недовольно ворчит Лика и бросает что-то на мою кровать. – На вот, примерь.

– Лик, ну серьёзно. Я не в том настроении.

– А ты считай, что это приказ начальницы. Она у тебя на всю голову поехавшая, так что придётся подчиниться. Насть, отвлекись немного. Знаю, что тебе в твоём болоте сейчас комфортно, но... – Лика поднимает назидательно указательный палец. – Но послушай женщину, пережившую болезненный развод. Чтобы из дерьма выбраться, нужно барахтаться из последних сил. Да и как ты можешь меня там одну бросить?

Вздыхаю и сдаюсь.

Всё равно не отстанет.

Надеваю платье, которое принесла Лика. Это простая ат-

ласная комбинация глубокого винного цвета. С тонкими бретельками и небольшой сборкой в районе груди.

Визажист Лики – Карина, делает мне быстрый макияж и закручивает волосы на плойку, укладывая их слегка небрежными волнами.

– Девушка сёрфера. – Карина довольно улыбается, глядя на проделанную работу. – Эта укладка уже несколько сезонов не выходит из моды.

Мне плевать на моду. Я не собираюсь покорять мир своей красотой, но образом в целом очень довольна. Вышло элегантно и не вычурно.

В студию Лики мы приезжаем незадолго до того, как начинают прибывать первые гости. Сегодняшняя выставка отличается от того, что мы делали раньше. Это мероприятие закрытое, вход строго по приглашениям. Сегодня здесь соберутся сливки общества, в основном из сферы искусства. Меценаты и благотворители, филантропы или только косящие под них. Именитые фотографы, крупные блогеры и прочие любители посветить лицом. В общем, совсем не моя тусовка.

Медленно прогуливаюсь вдоль стен, которые сейчас завешены большими холстами с чёрно-белыми фотографиями. На них в основном женщины. Не идеальные, с изъянами, но совершенные в своей уязвимости перед объективом камеры.

Выставка Кати Демидовой – это не просто набор снимков, объединенных одной идеей. Это манифест, в полной мере

отражающий любовь к людям. Рассказ в лицах, в телах.

Я брожу, сражённая чистой, неподдельной любовью художника к произведениям искусства и застываю у очередной фотографии. На ней смутно знакомое лицо мужчины.

Где-то я его уже видела.

Взгляд глубокий, непроницаемый. Он смотрит прямо в камеру, явно чувствуя себя хозяином положения. Между длинных пальцев зажата тлеющая сигарета, и белый дымок от неё ярко контрастирует в свете студийных ламп на чёрном фоне. Он сидит, полуразвалившись на простом деревянном стуле, рубашка расстегнута до середины груди. Тёмные волосы чуть взлохмачены.

Я не могу перестать смотреть. Фотография завораживает мелкими деталями и подробностями, и мне хочется знать, что прячется за ней, за этой красивой картинкой.

– Нравится?

Голос рядом заставляет меня вздрогнуть, и я едва не роняю бокал с шампанским. Медленно поворачиваюсь.

Передо мной стоит мужчина с фотографии, и я слегка теряюсь от странного, немного нереального ощущения раздвоения реальности. Будто матрица дала сбой.

И тут я вспоминаю, где уже видела его.

– Это вы! – Говорю я, не скрывая удивления. – Это вы были в той машине, тогда, ночью. Вы что, преследуете меня? Вы какой-то маньяк, да?

– Это говорит девушка, которая уже десять минут пялится

на мой портрет. – Он улыбается совершенно беззлобно. – Не отрицайте, я наблюдал за вами. Так что, нравится?

– Немного пафосно. – Отвечаю, и добавляю после небольшой паузы: – Но вам идёт.

– Пафосно. Я тоже так думаю. – Он тянет руку. – Кирилл. Можно просто Кир.

– Настя.

Он медленно проходит мимо меня, обдавая запахом дорогого парфюма, и идёт дальше, абсолютно уверенный в том, что я последую за ним.

И я следую.

– Катя решила, что здесь этому снимку самое место. В свою защиту скажу, что я был против.

– Вы знакомы с Катей? – Спрашиваю и тут же мысленно хлопаю смачный фейспалм. Конечно, они знакомы, раз она сделала его портрет!

– Она мой... м... друг. Ну, а как вам выставка в целом?

– Восторг. Я фанатка Кати. Мне нравится то, как она умеет доносить свои мысли через фото. Всегда хотела этому научиться. – Останавливаюсь, чтобы убрать из рук пустой бокал.

– Вы тоже фотограф?

– Раньше была. Портретистом. Мне нравилось работать с глазами людей и их мимикой. По глазам можно многое узнать о человеке. Меняя глубину и теплоту света, резкость теней, можно откопать в недрах человеческих глаз что-то, о

чём они сами никогда не подозревали.

– Правда? – Он нависает надо мной, смотрит пристально, изучающе. – И что вы видите в моих глазах? Откопаете что-нибудь интересное?

В его глазах много интересного. Они горят вызовом, и они удивительно живые: тёплые медовые в центре, с тёмными краплениями и почти чёрным ободком радужки. А на дне зрачка плещется что-то таинственное и мрачное.

Я делаю шаг назад, увеличивая между нами дистанцию. Его энергетика ощущается почти физически: не давит, но мягко обволакивает, и мне хочется выбраться из этих пут.

Неловко перевожу тему.

– Я больше не снимаю.

– Почему? Вам это больше не интересно?

– Нет, сместила фокус внимания на другое. В любом случае, работать с людьми, как Катя, у меня никогда не получалось. Она снимает просто тело, а получается произведение искусства.

– Просто тело. – Усмехается Кирилл. – Каждое тело уникально и прекрасно. Современный мир загоняет нас в рамки, диктует и навязывает стандарты красоты. И люди, способные выйти за эти рамки, всегда будут в авангарде.

– Только вот мужчины редко смотрят на девушек, которые слишком отклоняются от шаблона. – Говорю я с жаром.

Это больная тема, и Кирилл, кажется, моментально всё понимает. Он окидывает меня с головы до ног долгим выра-

зительным взглядом, а потом недоуменно вздёргивает бровь.

– Кто вас обидел, Настя? Кто сказал вам, что вы некрасивы?

– Никто. – Поднимаю упрямо подбородок. – Речь не обо мне вовсе.

– Конечно, о вас. Неуверенную девушку видно уже по походке. По тому, как она двигается, жестикулирует и разговаривает. Вы пытаетесь контролировать каждый свой мускул вместо того, чтобы расслабиться и получать удовольствие от своей молодости и красоты.

Делаю вид, что меня это не задевает, но...

Задевает, да. Потому что это правда и это про меня.

Я стараюсь не прижимать руки к телу, чтобы они не расплывались. Держу спину прямой, чтобы не висела грудь. Животик и ушки на бёдрах – абсолютная норма для женщины, но я не могу принять эту норму.

Марат в начале отношений в шутку называл меня свинкой и забавно хрюкал. Мы вместе смеялись над этим. Тогда я весила на десять килограмм больше, чем сейчас. Вес ушел, ушёл Марат, а вот комплексы остались.

– Знаете что, – говорит Кирилл, вырывая меня из мыслей, – возьмите мою визитку и напишите, если захотите над этим поработать.

– Поработать над чем? – Я правда не понимаю, но забираю карточку из его рук.

– Напишите. – Повторяет он, касается моего плеча на про-

щание и уходит.

Я глупо смотрю на визитку.

ООО «Сляние»

Добров Кирилл Дмитриевич

Генеральный директор

И что это значит?

Глава 5.

Настя.

– Сегодня мы разобрали большую и сложную часть теории: диафрагма, выдержка и ИСО. Понимаю, многое сейчас не может уложиться в вашей голове, но мы над этим поработаем во время практики. Если вопросов нет, то я вас отпускаю, а к следующей нашей встрече прошу принести с собой камеры – я найду нам подопытного, на котором мы потренируемся.

– А можно нам не просто подопытного, а хорошенького?
– Говорит Елена. Остальные смеются.

Елена – приятная женщина лет пятидесяти. Ухоженная, с активной мимикой и очень обаятельная. Мне приятно, что она в моей группе. Такие люди одним своим присутствием разряжают обстановку и делают атмосферу более неформальной.

– Сделаю всё, что в моих силах. – Я тоже улыбаюсь.
Отпускаю учеников.

Они благодарят и потихоньку покидают студию.

Лица набрала ещё одну группу по моей просьбе, и теперь у меня три занятия в неделю. Дополнительная копеечка сейчас очень кстати. В группе на этот раз только женщины, и мы как-то сразу поймали одну волну.

Мне нравится работать с новичками: их головы еще не забиты шаблонами и стереотипами о том, как нужно. Многие из них не собираются заниматься коммерческими съемками, а приходят для того, чтобы научиться работать с камерой и делать просто качественные кадры для семейного архива: снимать посиделки с родными, встречи с подругами или внуков у новогодней ёлки.

Иду в комнату отдыха. Здесь есть небольшая кухня со всем необходимым, мягкий диванчик и два глубоких кресла. А ещё плазма, на которую в рабочее время транслируется изображение с четырёх камер наблюдения.

Ли́ка сидит на диване, поджав под себя ноги. На коленях ноутбук. На глазах узкие очки для чтения.

Вероника – штатный фотограф студии, – крутится у кофеварки, умасливая её комплиментами.

– Думаешь, она разомлеет и починится? – Спрашиваю, насыпая в стакан растворимый кофе. Заливаю кипятком.

– Я эту вашу гадость пить не буду. – Кривится Вероника, глядя на симпатичную пенку в моей кружке. – И вообще, ласковое слово даже кошке приятно. Чего уж про кофемашину говорить.

– Займусь. – Бубнит Ли́ка, не отрывая серьёзного взгляда от экрана ноутбука. – Не до этого пока.

– О, это по мою душу. – Вероника отхлёбывает мой кофе, морщится и, схватив фотоаппарат, убегает.

Я забираю кружку, присаживаюсь на диван к Ли́ке и смот-

рю в экран плазмы. Изображение не лучшего качества, но суть ясна.

На входе топчется парочка, их встречает администратор. Она указывает рукой на шкаф-купе. Мужчина помогает своей спутнице снять пальто, поправляет её завитые волосы и едва заметным движением проводит рукой от поясницы до выпуклой ягодицы.

Появляется Вероника и приглашает гостей в один из залов – тот, который декорирован под стильную лофтовую спальню, с большой кроватью на выкрашенных в белый поддонах, и кирпичной стеной.

Понятно, будут про любовь снимать.

Опускаю взгляд в кружку и наблюдаю, как медленно лопаются пузырьки кофейной пенки.

Я звала Марата на съемку раз двадцать. Предлагала по сниматься в нашей студии или устроить фотосессию на природе. Я даже купила альбом, чтобы в зимние вечера, сидя под пледом, мы могли вместе пройтись по страницам нашей жизни. Но Марат каждый раз съезжал с темы: то настроение не подходящее, то времени нет.

Снова смотрю на экран.

Мужчина остался в белой рубашке и чёрных классических брюках. Девушка в откровенном нижнем белье. Никакого стеснения. Вьётся змеей вокруг возлюбленного и прекрасно чувствует себя перед камерой.

Мне бы её уверенность!

– Лик, а ты знаешь Доброва?

– Кира? Угу.

– Откуда?

– Да его все знают, кто в фотобизнесе вращается. Начинал как фотограф, снимал смазливых девчонок. Потом ушёл в какой-то проект, с телевидением сотрудничал. Потом с глянцецем. Уж не знаю, почему ему на месте не сиделось, но в итоге сейчас он руководит целым цехом, как они это называют. Масштабные съемки – это туда. Сложные декорации, огромные павильоны. Любой каприз, как говорится. Но и денежки там совершенно иные крутятся. А тебе он зачем?

– Да так...

– Нет уж, колись.

– На выставке познакомились. Странное дело, ведь до этого я встретила его в тот вечер, когда Марат... когда я...

– Когда тебя Марат из дома выпер, так и говори. – Лика с хлопком закрывает ноутбук. – Ничего странного, Кир мне флешку завозил с фотографиями для выставки. Вы минут на пятнадцать разминулись. Но оказывается, не разминулись. Ну, и?

– Ну и вот. – Кладу перед Ликой визитку. – Он мне предложение сделал. Странное.

– Ого! Кир пощёлкать тебя хочет?

– Не знаю. Не сказал.

– Ну, не сексом же заняться. Хотя я бы на твоём месте и от этого предложения отказываться не стала. – Глаза Лики

восторженно вспыхивают. – Реально, Насть, он-то тебе и нужен! Вся твоя женская энергия как соберётся в кучу и как выстрелит!

– Не хочу я, чтобы она выстреливала. У меня есть мужчина, которого я люблю.

Лика делает вид, что её сейчас стошнит.

– Но всё же ты задумалась над предложением, да? Иначе зачем про Кира спрашиваешь?

– Сама не понимаю. Я хочу вот как она. – Взмахиваю рукой в сторону экрана, и мы с Ликой вдвоём зависаем.

Парочка горячая. Между ними чувствуется химия и сексуальное напряжение.

Девушка раскрепощена и роскошна, но я не могу оторвать взгляда от мужчины. В его движениях чувствуется что-то очень знакомое. Я не могу разглядеть лица, но каждый его жест словно предугадываю до того, как он его совершит.

Как такое может быть?

Ответ приходит внезапно и оглушает элементарностью. Словно обухом дали по голове.

Лика рядом со мной тоже как-то странно напрягается. Снимает очки и медленно отставляет закрытый ноутбук в сторону. Подрывается с дивана ровно в тот же момент, что и я.

– Тихо! Тихо, спокойно! – Хватает меня за рукав. – Куда собралась?

– Пойду настучу по кудрявой башке!

– Думаешь, это его любовница решила притащиться в студию, где ты работаешь?

– А ты думаешь, фотосессия в полуголом виде – это идея Марата?!

– Не важно, чья была идея. Это провокация чистой воды! Сейчас не время злиться и терять разум. Поддашься эмоциям – выставишь себя ещё большей дурой.

– Лик, а ты сама бы что сделала? – Кричу. Меня разрывает от эмоций и от ощущения абсолютной беспомощности.

– Точно не стала бы затевать драку. Насть, ты об неё руки собралась марать? Об эту, прости господи... Слов нет! А Марат что? В белом пальто стоит красивый опять? Ему дать в морду ты не хочешь?

Зачем он это сделал? А если это была идея Светы, то почему поддержал? Неужели думает, что не достаточно натыкал меня носом?

Я смотрю на экран. От обиды и злости всё тело колотит, и даже зубы отбивают чечётку.

Вот это всё могло быть моим. Это могло происходить со мной, но почему-то я сижу здесь и наблюдаю, как моего мужа обхаживает другая женщина.

Сердце словно обретает дополнительный вес и ухает резко вниз. Огонёк надежды, который теплился где-то в груди, тихо гаснет, и в этой мрачной реальности мне больше ничего не подсвечивает путь.

Лица усаживает меня обратно на диван и придерживает

за руки, будто боится, что я рвану туда и устрою драку.

Я на волоске от этого.

Не разрешаю выключать телевизор. Мне кажется, что пока я смотрю на экран, я могу хоть что-то контролировать. Этот контроль иллюзорен, я знаю, но всё равно боюсь выпустить этих двоих из зоны видимости.

Съемка заканчивается. Через пару минут в комнату отдыха заходит Вероника.

– Горррячие! – Выдыхает она, смахивая невидимый пот со лба. – Я уж боялась, что они сейчас прямо при мне сексом займутся. Вот это тэншен! А девушку видели? Не удивлюсь, если она в прошлом порноактриса.

Мой подбородок дрожит. Глаза наполняются слезами, и картинка смазывается.

Зарываюсь лицом в ладони и тихонько покачиваюсь из стороны в сторону, пытаюсь убаюкать себя, как ребёнка.

У меня не получится. У меня ничего не получится. Куда мне тягаться с порноактрисой?

Лица отрывает мои ладони от лица. Она сидит передо мной на корточках и смотрит с неподдельным участием и состраданием. В её руках визитка Доброва.

– Настя, вот теперь можно разозлиться.

Сжимаю кулаки. Вытираю слёзы, размазывая тушь. достаю телефон.

Настя: Добрый день. Это Настя, с выставки. Я согласна.

Ответ приходит моментально.

Кирилл: Приезжайте к девяти по адресу с визитки.

Кирилл: И оденьтесь удобно.

Глава 6.

Настя.

Вечером отправляюсь по указанному адресу.

Меня так потряхивает, что даже шаги кажутся неровными, а движения – дергаными и рваными.

Я не знаю, что имел в виду Кирилл, когда говорил одеться удобно. Должно ли это быть и красивым одновременно?

На мне прямые джинсы, заимствованные у Лики, короткий топ на тонких лямках и свитер с высоким горлом, и я надеюсь, что это удовлетворит требования Кира.

Я даже не знаю, что именно мы будем делать, но почему-то иду на эту встречу. Потому что подсознательно считаю Кирилла, как положительного персонажа.

Эффект гало – так, вроде, называется это в психологии. Красивые люди кажутся нам добрыми и умными, а первое впечатление, которое зачастую обманчиво, формирует мнение о личности человека в целом.

Но вдруг Кир социопат, а никакой не рыцарь в сияющих доспехах? И моё доверие к нему – это лишь фантазия, наложенная на реальность. Картинка, которую я хочу увидеть, потому что остро нуждаюсь в чём-то крепком, фундаментальном. Пусть даже это просто желание помочь мне решить проблемы с внутренней женщиной-кошкой, будь она нелад-

на.

Останавливаюсь. Разворачиваюсь в обратном направлении. Замираю.

Господи, Настя, ты что делаешь? Тебя куда несёт? Это вообще на тебя не похоже!

Вот именно. Не похоже.

Чтобы прийти туда, где никогда не был, нужно делать то, что никогда не делал.

Снова разворачиваюсь.

Ускоряю шаг, чтобы не дать себе возможности спасовать, и вскоре выхожу к невысокому зданию. Четыре этажа, стены из красного кирпича, большие арочные окна в пол. Массивное крыльцо с коваными перилами. Двустворчатые стеклянные двери.

Вхожу и утыкаюсь в турникет.

– Анастасия Романовна? – Спрашивает охранник, но открывает передо мной проход ещё до того, как я успеваю утвердительно кивнуть. – По коридору до упора, лестница вниз. Вас ждут.

Ждут.

Это только усиливает волнение: словно я бреду в какую-то ловушку, о которой сама же смутно догадываюсь.

Прохожу коридор, спускаюсь по лестнице и оказываюсь в большой студии. Здесь столько аппаратуры, что если её всю продать, то хватит на квартиру в центре города. Стойки-журавли, софтбоксы всех размеров и форм, рефлекторы, та-

релки, фоны и большая белоснежная циклорама с одиноким стулом в центре.

Кирилл стоит, склонившись над стеклянным столом, упираясь бедром в его край. На нём чёрная футболка-поло, которая обтягивает сильные руки с чуть выпуклым рисунком голубых вен. Он так сосредоточенно что-то разглядывает, что не замечает моего присутствия, пока я многозначительно не прокашливаюсь в кулак.

– Настя! – Тут же поднимает на меня глаза и медленно подходит, замирая в полуметре. Тянет за пояс моего плаща.
– Позволь.

Помогает раздеться и, перекинув плащ через локоть, отходит от меня на шаг. Осматривает с ног до головы.

– Всё нормально? – Спрашиваю, неловко поправляя горло свитера.

– Идеально. – Сегодня на его лице нет той доброжелательной улыбки. Он – сама серьёзность.

Сердце моё трепещет, как перепуганный воробей, и я прикидываю, насколько нелепо по шкале от одного до десяти сейчас буду выглядеть, если с криками выбегу из студии.

Десяточка. Твёрдая.

– Садись. – Кир кивает на стул в центре циклорамы.

Я послушно выполняю его просьбу: размещаюсь на стуле и вытягиваюсь по струнке. Руки чопорно складываю на коленях. Чувствую себя даже не неловко, а совершенно поидиотски. Будто преподнесла себя на блюдечке незнакомому

мужчине. Пришла за какой-то помощью к человеку, с которым знакома три минуты от силы.

Неужели всё настолько плохо, Насть? А давай в следующий раз сначала к психологу попробуем...

Из-под опущенных ресниц наблюдаю за тем, как Кир настраивает светотеневой рисунок. Как под кожей на его руках перекачиваются в жёстких лучах ламп мышцы.

Слышу первые щелчки затвора – пристрелочные, чтобы подобрать верные настройки камеры.

– Готова?

Нет. Не готова.

Паникую и встаю. Быстро иду к выходу.

Десяточка, так десятичка. Переживу.

– Стоять. – Кир обходит меня по дуге и преграждает путь.
– Насть, мы даже не начали. Чего испугалась?

– Извините, что потратила ваше время. Это не для меня.
Не могу. В этом нет смысла.

– Но ты пришла. Ты уже здесь. Доверься и вернись, пожалуйста, на место.

Он не приказывает, не давит, просто говорит. Тихо и спокойно. Но его голос отдается чувствительной вибрацией внизу живота.

Закусываю губу, потому что я снова в шаге от того, чтобы расплакаться.

Выдыхаю медленно, через рот. Беру эмоции под контроль. Киваю на вопросительный взгляд Кирилла и снова присаживаюсь.

ваюсь на стул.

– Это не кастинг. Ты ни с кем не соревнуешься. Постарайся отключить голову и слушай мой голос.

Его голос – это приятно. Бархатисто и чуть хрипло, шершаво.

– Посмотри на меня. Прямо в камеру. Подбородок чуть ниже.

Щёлк.

– Отлично. Ты очень красивая. Камера тебя любит. Под свитером что-то есть?

Киваю.

– Снимем его? – Интонации мягкие. Не настаивает, действительно спрашивает.

Снимаю.

Медленно, будто надеюсь, что Кирилл передумает. И чтобы подольше задержаться в выдуманном состоянии защищённости.

На самом деле, я обнажена. В свитере я или без. Сейчас, под ярким светом ламп, я чувствую себя, как на операционном столе. У моих недостатков нет шансов спрятаться, потому что Кир разглядит каждый из них в прицел своего объектива.

Отбрасываю свитер в сторону.

Щёлк.

Затвор срабатывает, как выстрел.

Каждая клеточка моего тела бьется в агонии от стыда.

Обнимаю себя руками.

– Голову чуть выше и к плечу. – Тихо говорит Кирилл и присаживается на корточки. – Немного в профиль... Ещё немного... Ты очень нежная.

Чувствую, как подбородок дрожит.

Перед глазами стоит извивающаяся Света, и я совершенно осознанно сравниваю себя с ней. По ощущениям – как тыкать вилкой в незажившую рану. Есть в этом что-то мазохистское и ненормальное.

Я не чувствую себя красивой. Я не чувствую себя сексуальной.

Зато чувствую тепло на щеках. Крупные слёзы собираются в уголках глаз и скатываются вниз, капая с подбородка на джинсы.

Кир убирает от лица камеру. В его взгляде нет раздражения или недовольства.

– Вытяни руку вперёд. – Просит Он.

Я слушаюсь.

Он делает то же самое, и в момент, когда мне кажется, что сейчас мы соприкоснёмся пальцами, он вдруг останавливается.

– Это твоя безопасная зона. – Он проводит ребром ботинка черту на полу. Прямо над той точкой, в которой замерли наши руки. – Граница, которую я не пересеку. Ни при каких обстоятельствах. Не бойся быть собой хотя бы в рамках этого пространства. Для начала хватит и его.

Пока я обескураженно пялюсь на тонкую чёрную линию на полу, Кир направляет на меня объектив камеры.

Щёлк.

Я пытаюсь переварить это. Пытаюсь освоиться в этом новом безопасном пространстве и почувствовать себя в нём, но выходит с трудом. Для меня это в новинку, потому что своих границ я не чувствую уже очень давно. Их смяло и так плотно утрамбовало, что я забыла, где заканчиваюсь я, и начинается Марат.

– Красиво. Очень красиво. Настя, у тебя очень изящная шея. – Говорит Кирилл, и я не слышу в его голосе иронии или намёка на какое-то «но».

В комплиментах Марата всегда было «но». От его похвалы у меня часто оставалось странное послевкусие.

«Ты у меня идеальная, ещё бы попу подкачать».

«Для своего возраста ты хорошо выглядишь».

Я всегда расценивала это, как мотивационный пинок. Просто Марат хочет, чтобы я не забывала за собой ухаживать. Любой мужчина мечтает видеть рядом с собой красивую женщину.

Но ни разу в речи Марата не проскальзывало того искреннего восхищения, с которым сейчас говорит Кир. И мне хочется ему верить, пусть даже это всего лишь великолепная актёрская игра.

– В этом заключается ваш план? – Утираю слёзы. – Вы наговорите мне кучу приятностей, и я должна буду почувство-

вать себя красивой?

– Я тут вообще не при чём. Ты всё поймёшь, когда увидишь фото.

Кирилл держит обещание. Не прикасается и черту не переступает. А я всё чаще бросаю туда взгляд и думаю, заступит ли хоть носком ботинка.

И почему-то очень этого хочу.

Эти границы, это воображаемое стекло между нами, подогревает интерес. Я знаю, что на самом деле там ничего нет, и я могу коснуться его, или он меня, но мы не нарушаем договорённости.

– Чуть вбок голову. Чудесно... Идеальный профиль.

Щёлк.

– Спиной ко мне.

Я меняю позу.

Кир приглушает прожектор, оставляя нас в интимном полумраке. Импульсный свет разрывает темноту яркой молнией.

Я не вижу его лица, но чувствую на себе взгляд, который спускается тёплой волной между лопаток, прыгает с позвонка на позвонок и оглаживает ласково изгиб поясницы.

Кожа моя горит. Прикосновения фантомны, но обжигают. Это сводит с ума.

Речь Кира превращается в набор медитативных установок. Совершенно перестаю улавливать смысл, зато на уровне тела явный прогресс – оно податливо отзывается на тихий

голос и млеет... млеет.

Мне хочется... Мне нужно...

– Дай мне немного себя настоящей, Настя. – Слышу за спиной голос, почти переходящий в шёпот.

Прикрываю глаза. Пробегаюсь пальцами по шее. Откидываю голову назад. Волосы щекотят поясницу.

Мне нужно ощутить физический контакт. Прямо сейчас.

Внизу живота горячо пульсирует.

Воображение рисует откровенные картинки, и вопреки здравому смыслу, на них не Марат. Не его ладони скользят по моему телу и не его губы оставляют короткие поцелуи на шее, над бьющейся голубой венкой. Не его мощный торс вжимает меня в упругий матрас постели, заставляя извиваться от удовольствия.

Запах дорогого парфюма бьет в нос, разгоняя фантазию дальше. Меня несёт, и я не хочу останавливаться.

Вцепляюсь пальцами в спинку стула. Дышу рвано и поверхностно.

Может ли фригидная женщина испытывать такое влечение к мужчине, который её и пальцем не тронул?

Тихо и судорожно выталкиваю из лёгких воздух, чтобы Кир не услышал. Чтобы ни о чём не догадался.

Вспышка моргает и под закрытыми веками это выглядит, как фейерверк. Ерзаю на стуле, жалея, что не могу свести вместе бёдра.

Нет, это слишком.

Встаю, но не поворачиваю лицом к Киру. Пытаюсь отдышаться и отыскать хоть какие-то силы на то, чтобы натянуть на лицо дежурную улыбку.

– Всё хорошо?

– Да.

Нет. Только что мысленно я занялась с тобой сексом, и это не хорошо.

– Я могу идти?

Кир молча пожимает плечами, предоставляя мне самой решать.

Поднимаю свитер и застываю перед чёрной линией, чувствуя иррациональный страх шагнуть за неё. Будто потеряю безопасный мир, который для меня на несколько минут создал Кир.

Сердце колотится, как безумное.

– Спасибо. Это было...

Не нахожу слов.

Перешагиваю черту, хватаю плащ и убегаю в прохладу осеннего вечера, обещая себе, что никогда и ни за что больше не встречу с этим мужчиной.

Глава 7.

Настя.

– Здесь у нас ванна и туалет, совмещённые. Свет включается внутри. В зале есть выход на балкон, там можно курить.

– Я не курю.

Идём с Ликой за хозяйкой квартиры – Натальей. Она с деловым видом показывает свои владения и в красках описывает, какие замечательные здесь соседи.

Соседи, вероятно, единственный плюс этого места. Квартира – не разгуляться. Тридцать пять квадратов, на которых уместилась маленькая кухонька со старым обшарпанным гарнитуром, деревянным столом и двумя стульями. В зале продавленный диван, одного взгляда на который достаточно, чтобы заболела спина. Во всю длину комнаты советская стенка со множеством шкафов. У меня и вещей-то столько не наберётся...

Кстати, о вещах. Надеюсь, Света ещё не свалила их в кучу на заднем дворе и не подожгла. Надо как можно скорей заняться этим вопросом, только вот ехать в дом, где сейчас вьёт гнездо другая женщина, совершенно нет желания.

Лица хмурится и кусает губы.

– Насть, ну это трэш. – Шепчет, отведя меня в сторону.
– Здравствуй, депрессия! Ты в этой конуре через неделю в

окно выйдешь.

Я с ней согласна. После моего дома или хором Лики квартира кажется очень маленькой и совсем не уютной. Скучное освещение не добавляет оптимизма. Атмосфера здесь немного угнетающая.

Но я больше не могу пользоваться гостеприимством Лики. Дай ей волю, и она пропишет меня у себя. А мне нужно проверить собственные силы и прощупать свои границы.

Вчерашний опыт показал, что они ещё есть. Стёрлись, стали почти незаметны, но всё же подлежат восстановлению. И теперь мне интересно, как я буду вести себя в новых условиях. Почти экстремальных, для такого тепличного цветочка, как я.

– Меня всё устраивает. – Киваю Наталье.

Подписываем договор. Ключи забираю со смешанными чувствами.

Не думала, что наш с Маратом разлад продлится так долго. На душе серо и тоскливо, и мне хочется повыть, уткнувшись головой в стену.

Сказала бы, что внутри кошки скребут, но... Никаких кошечек, да. Только хомяки.

Едем к Лике.

На пороге нас встречает Алиса и сразу вручает увесистый конверт.

– Курьер принёс. Для Насти. Я расписалась за тебя, ничего?

– Ага. Это от Марата? – Спрашиваю с надеждой. Переворачиваю.

Никаких записок, лишь в углу две размашистые буквы: Д.
К.

Прохожу в свою комнату и нетерпеливо разрываю конверт. На кровать высыпаются фотографии и я застываю, глядя на девушку на снимках.

Она очень красива. Нежна и грациозна. Тонкие запястья, плавный изгиб шеи и целый спектр эмоций в блестящих глазах. Каждое фото чувственно и эротично, но без грязи и похоти. Просто...эстетика. Красота тела, как она есть. Именно то, что цепляет меня в работах той же Кати Демидовой.

Это я?

Не верю. Не может быть!

Кручу фото.

Ни одной призывной позы, наподобие тех, что выдавала Света. Да и одета я куда консервативней. И всё же это так тонко и интимно, что у меня сжимается от спазмов горло.

– Господи, это ты? – За своим занятием я не замечаю, как в комнату вошла Лика. – Только попробуй мне вякнуть ещё хоть раз, что ты не секси. Натыкаю лицом вот в это.

– Это, наверное, фотошоп...

– Хреношоп! – Лика недовольно сводит брови над переносицей. – Обалдеть. Как он сумел из тебя это вытащить?

Краснею.

Как-как? Возбудил...

Не прикладывая ни малейшего усилия и, возможно, даже не имея такого намерения. А я сама всё додумала и дофантазировала. И сама в итоге психанула.

Молодец, самостоятельная...

– Чёрт, я же его даже не отблагодарила нормально.

– В чём проблема? Пиши. На кофе пригласи.

– Нет. – Отвечаю слишком резко и поспешно. – Подумает ещё, что навязываюсь. Да и у меня муж...

– Обьелся груш. Пиши, говорю. А это я на память оставляю.

Лица забирает одно фото с собой, подмигивает и уходит, тихо прикрыв дверь.

Я прыгаю взглядом по снимкам и всё ещё не могу поверить, что на них действительно я. Подхожу к зеркалу и пытаюсь взглянуть на себя чужими глазами.

Да, наверное, во мне есть что-то красивое, раз Кир сумел это разглядеть, но я вижу только набор комплексов. Здесь много, там мало. Грудь единичка, и под тёплым объемным свитером она даже не выдаётся вперёд. Талия тонкая, но если повернуться боком, то видно чуть выпирающий животик внизу. Он не убирается упражнениями и диетами, я пыталась.

Поворачиваюсь в профиль. Кир сказал, что он у меня идеальный. И что шея очень изящная.

Оглаживаю линию подбородка и застываю пальцем на губах. Размыкаю их, касаясь кончика пальца языком.

Это какие-то инстинкты. Бессознательное, но очень острое и ищущее выход.

Вспышка очередной фантазии ослепляет чувственностью. Я вижу, как Кирилл целует меня, прижимая к стене. Держит крепко за запястья, и мы звучим синхронно стонами и рычанием.

Внизу живота снова горячо.

Трясу головой, отгоняя наваждение.

Почему не Марат? Почему в этих краткосрочных помутнениях рассудка я со страстью и самоотверженностью занимаюсь любовью с другим мужчиной?

Снова смотрю на девушку на фотографиях.

Пишу Киру.

Настя: Спасибо! Это гораздо больше и глубже, чем я ожидала. Как вы это сделали?

Короткий ответ приходит почти сразу.

Кирилл: Красота в глазах смотрящего.

Верчу задумчиво телефон в руках. Вроде бы диалог закончен, но червячок подтачивает меня изнутри. Я хочу продолжения, но не знаю, что написать.

Предложить выпить вместе кофе? Отвесить комплиментов его мастерству? Кокетничать?

Нет, всё это глупо. Кирилл явно незаинтересован ни в каком продолжении, да и мне сейчас, на эмоциях, лучше не предпринимать поспешных действий. Потом буду жалеть и убиваться.

Открываю приложение и вызываю курьера. Выбираю несколько самых удачных на мой взгляд кадров, складываю их в плотный маленький пакетик и пишу короткую записку:

Хочу прижаться к тебе. Скучаю.

Вкладываю записку внутрь, заклеиваю пакетик скотчем.

Через пол часа приезжает курьер. Я указываю адрес офиса Марата, как пункт назначения, и с чувством выполненного долга иду пить чай с Ликой и двойняшками.

– Может, задержишься? Хорошо так, когда подруга рядом.

Смотрю на Лику, которая немного поникла, и впервые задумываюсь о том, что ей тоже бывает одиноко. Несмотря на вечный шум и гам. И несмотря на то, что обычно она держится молодцом. Я её ни разу не видела в слезах или убитой горем. Даже после развода она как-то быстро пришла в себя, расправила плечи и начала фигачить больше, чем раньше.

– Надо попробовать взять жизнь в свои руки. Я ведь одна не жила никогда. Сначала с родителями, от них сразу к Марату. Теперь вот тебе надоедаю. Может, если у меня будет своё пространство...

– Какое там пространство. Шаг в сторону и упёрся в стену.

– Лика делает мальчикам бутерброды и ставит тарелки на стол.

Тёма забирает себе колбасу Сёмы, отдаёт взамен весь свой сыр. Добыча поделена, двойняшки довольны.

– Лик, а ты как поняла, что у вас с Сашей всё?

– Да он как сказал: «Лица, у нас всё», так сразу и поняла.

– И ты просто отпустила?

– Если лошадь сдохла – слезь. Наша сдохла. – Философски изрекает подруга.

А вдруг наша с Маратом тоже? И я просто стегаю кнутом труп несчастного животного. И вот эти фотографии Марату вообще ни в какое место не упёрлись, как и я сама.

Смотрю в кружку. На дне медленно разворачивается чайный лист, его терпкий запах поднимается с паром и щекочет ноздри.

Телефон вибрирует. На экране висит уведомление от курьерской службы – заказ выполнен.

Вздыхаю.

Ладно. Придётся побыть немножко некромантом.

Глава 8.

Настя.

Моё первое утро в новой квартире.

Пол ночи я пыталась подстроить выпуклости своего тела под впуклости дивана. Приноровилась к волнообразному рельефу лишь под самый рассвет, но даже тогда спала поверхностно и беспокойно: меня преследовали откровенные картинки с участием Кира.

Просыпаюсь уставшая и разбитая.

Господи, мне что, шестнадцать?!

А дальше что? Поллюции?

Принимаю прохладный душ. Нервы вытянуты в струну, и я надеюсь, что вода поможет немного освежиться.

Оказывается, моё тело тоже умеет голодать. Не такая уж я безнадежная, как уверял Марат. Может Лика права, и дело не во мне? Или не только во мне...

И эта мысль одновременно ободряет и удручает.

Пью кофе, медленно ползая взглядом по грязным обоям.

Как мы до этого докатились, Настя? Что делаем в этой негостеприимной и мрачной квартирке?

У меня здесь почти ничего нет. Чайная пара, маленькая кастрюлька, комплект постельного белья и банное полотенце – всё это я одолжила у Лики до тех пор, пока не перевезу

сюда свои вещи.

Этим вопросом нужно заняться в ближайшее время, но я не чувствую в себе сил и энтузиазма, поэтому решаю отложить ещё на недельку. А пока лучше прогуляюсь до ближайшего ТЦ и прикуплю каких-нибудь полезных в быту вещей, или чего-то милого и поднимающего настроение. Например, пару разноцветных диванных подушек.

Пока собираюсь, приходит сообщение.

Лика: Доброе! Ну что, приснился жених?

Рычу на телефон. А ведь я только выбросила из головы эти мысли! Спасибо, Лика!

Настя: Целых пять. Думаю теперь, кого выбрать.

Лика: Выбирай богатого. Какие планы?

Настя: Схожу до ближайшего торгового. Хочу немного облагородить берлогу.

Лика: Ого! Вот это оптимизм...

Лика: Ладно, не отвлекаю. Звони вечером.

Пялюсь непонимающе в экран. Написала, чтобы узнать, приснился ли мне жених? Вот странная.

Гуглю ближайший ТЦ – он в трёх километрах от моего дома. Не так уж далеко, к тому же погода сегодня отличная: солнечная и тёплая.

Гуляю по торговым рядам, заглядываю в основном в магазинчики с товарами для дома. Уже прикупила кухонные полотенца, дозатор для жидкого мыла и коврик в ванную.

Не знаю, кого там шопинг воодушевляет, но конкретно

для меня это какой-то изощренный способ самоубийства. Очереди, зачастую агрессивные люди и бесчисленное множество товаров, которые хочется потрогать и примерить. Это всё отбирает крайне много времени, и к моменту, когда я решаю закончить с покупками, за большими окнами торгового центра уже разливается закат.

Обалдеть, вот и кончился день!

Решаю порадовать себя вкусняшкой: покупаю кофе. У центрального выхода меня уже поджидает такси – решила раскошелиться на обратную дорогу, чтобы не тащиться с покупками по темноте.

Бегу, попутно отхлёбывая лавандовый раф. Выныриваю из-за очередного поворота и на всех своих сверхскоростях въезжаю в кого-то. Пакеты летят в стороны. Кофе – строго вперёд, подчиняясь силе инерции.

– Простите! – Взвизгиваю и поднимаю глаза. – Вы?

– И тебе добрый вечер. – Кирилл поджимает губы и недобрым взглядом рассматривает своё пальто, по которому медленно капает мой пахнувший лавандовым полем кофе.

С квадратного подбородка тоже стекают кофейные капли.

– Давайте я вам всё вытру. Надо же так...

Достаю из пакета пачку полотенец, открываю. Прохожусь осторожно по лицу, щетинистому подбородку и шее со вздутой веной, ускользящей за воротник теперь уже не белой рубашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.